

Как всё начиналось

Я люблю поэта Маяковского, как это ни странно звучит для многих. Для меня это комок нервов, сгусток энергии и «сердце, которое гудит повсеместно».

Часто согласую с ним свои дела и чувства.

Вот как сегодня.

Возникли слова и уютно примостились рядом:

«Когда я итожу то, что прожил, и роюсь в днях – ярчайший где, я вспоминаю одно и то же...» А вспоминаю я... телевышку.

Не странно ли?

Стоит она себе и стоит в каждом городе. Но дело даже не в том, что я её видела каждый день в течение почти сорока лет своей работы на ТВ и она примелькалась, а в том, что

это сооружение стало для меня символом всего интересного и значимого в жизни, если не сказать, самой жизнью.

Примерно, как Эйфелева башня для Парижа.

Я помню этот символ ТВ, как первую любовь, первый роман, первое свидание.

Кстати, о первом свидании с ней я и хочу рассказать...

Тогда мы ещё жили в Кироводске. Там я родилась, прошло моё детство, остались друзья, родня, оттуда начался мой путь. Этот городок был жемчужиной курорта кавказских минеральных вод со своим микроклиматом в чаше из гор. Зима тёплая, а летняя погода не грозила зноем, намереваясь сжечь всё живое, как это бывает в Поволжье. Может быть, от такого благолепия и люди на Кавказе мягче, добрее, жизнерадостнее.

В тот день, я, дитя спокойствия и довольства, шла в школу № 2 по улице с названием Широкая. Дорога к школе не была широкой — это была аллея из каштановых деревьев и в некотором роде опасная. Каштаны роняли свои орешки, а предприимчивые мальчишки использовали их в виде снарядов. Иногда приходилось преодолевать дорогу к школе, подобно сапёру, идущему через минное поле.

С пятого класса меня сопровождала слава поэтессы. В те счастливые времена поэзия была для меня лишь интересной игрой слов, которая к тому же быстро поднимала мой авторитет среди одноклассников. А литературу я любила и всегда с удовольствием шла на урок. Но в этот день неожиданно обнаружила, что забыла написать сочинение. Поразмыслив, я решила, что Надежда Вениаминовна, учитель по этому предмету, любившая меня за мой талант как родную дочь, простит мне такой промах. А она любила литературу так, как сейчас даже родственников не любят. Надежда Вениаминовна совершенно естественно пребывала среди героев книг, которые и были её семьёй. Ей удалось заразить любовь к прекрасному весь класс. И все мы, как гриппом, переболели сочинительством. Писали в поте лица и перепробовали практически все жанры.

Надежда Вениаминовна вошла в класс и сразу произнесла: «Тетради на стол». Я лихорадочно

Диана Шпоркина
на ульяновском телевидении. 1972

стала соображать, что же ей сказать. Хотела правду, но погасить её улыбку не посмела. Заметив моё замешательство, Надежда Вениаминовна подошла к парте: «Диана, что с тобой?» И я брякнула первое, что пришло в голову: «Тетрадь дома забыла». — «Так беги и принеси».

Я вышла, как в тумане. До дома всего минут пять ходьбы... Что делать? И тут меня осенило — стихотворение! Ведь никто не запрещает использовать этот жанр. В этот раз тема сочинения была о маме. Загнанная в угол собственной ложью, я мобилизовала всё своё вдохновение и быстро написала стихотворение. Радостно вбежала в класс, положила на стол свою тетрадь и облегчённо вздохнула. Почти год я читала это произведение на всех вечерах. Народ рыдал от умиления. Именно оно привело меня на телевидение, куда были приглашены молодые таланты.

Телецентр находился в Пятигорске, и мы ездили туда на электричке. Первое свидание с телевышкой было ошеломляющим. Она появилась, когда мы только подъезжали к городу. Гордая, изящная и независимая, она словно

парила в небе, потому что стояла, как и положено, на самой высокой точке, на горе Машук. Когда подошли к телецентру и проникли в святая святых, я так волновалась, что боялась перепутать слова. Эфиры тогда были «живыми». О записи и речи не было. И само теледействие казалось необычным от того, что не было похоже на привычный концерт. Ни зрителей, ни аплодисментов – полная тишина. На людей, кружившихся вокруг нас, мы смотрели, как на небожителей. Операторы с тяжёлыми камерами и наушниками на голове представлялись марсианами, а весь этот мир – сказкой. Со временем я утратила эту восторженность и наивность. В то время телевидение имело колоссальный авторитет, и то, что на экране видели зрители, они принимали за неоспоримую истину. Достаточно было сказать, что ты работаешь на телевидении, как поднимался в глазах собеседника на три ступени выше. Но в те детские годы я не могла знать, что стану одной из этих немногих, кто жил и творил под телевышкой. С лёгкой руки любимой учительницы я готовилась влиться в ряды писательской братии – в журналисты или поэты. Но, видно, судьбу не обойдёшь...

Когда в 1965 году мы приехали в Ульяновск, папа устроился работать редактором именно

на телевидение. Город на Волге встретил меня равнодушными прямыми дорогами, пасмурной погодой и многочисленными дымами из огромных труб. Глаза тщетно искали горы, неожиданные повороты улиц и синее небо. Мне здесь совсем не понравилось, и до сих пор я чувствую себя на Ульяновской земле временным гостем. Я навсегда осталась на Кавказе, а в сердце впустила только Волгу-матушку. Она поразила моё воображение мощью и величавостью. На Кавказе реки быстрые, а спокойное течение Волги мирило меня с бурным душевным протестом, связанным с переездом. Меня в Ульяновске возмущало всё: неприветливые лица, светловолосые люди (я привыкла к чёрной масти), жара, отсутствие фонтанов и цветов. Улица Минаева была сплошь застроена сараюшками, да и вся центральная часть города, ближайшее Засвияжье, северная часть заселены старыми маленькими домами.

В Ульяновске я должна была окончить школу. С французским языком была всего одна школа-сороковая, что у тюрьмы. С улицы Гончарова, где мы поселились, нужно было ехать на трамвае. Папа, тележурналист, привык решать вопросы, используя своё положение. Он договорился, что я буду учиться в третьей школе,

которая была поблизости, а французским языком со мной будут заниматься индивидуально. Но это оказалось не под силу и мне, и учителям. Вскоре я всё же пошла в школу № 40 и там окончила 11-й класс. Ребята были неплохие, но без полёта, вдохновения, инициативы. Невозможно было подвигнуть их на какой-то интересный вечер или поход. Инертность людей поражала меня на каждом шагу. Своё мнение об ульяновцах я поменяла позже. Судьба милостиво вела меня на ТВ.

Я не прошла по конкурсу в педагогический институт, не добрав одного балла. Поступала я на дошкольный факультет, хотя моим страстным увлечением была литература. Почему-то меня привлекала идея воспитания малышей. Конкурс на этот факультет был огромный. Папа, конечно, мог вмешаться и помочь, но он принципиально был против педагога в моём лице. Слава Богу, судьба оказалась мудрее! На телестудии освободилось на два месяца (столько длился декретный отпуск) место помощника режиссёра. «Пойдёшь?» – спросил папа как-то за ужином. «На телевидение? – изумилась я и выдохнула: – Да! Да! Да!»

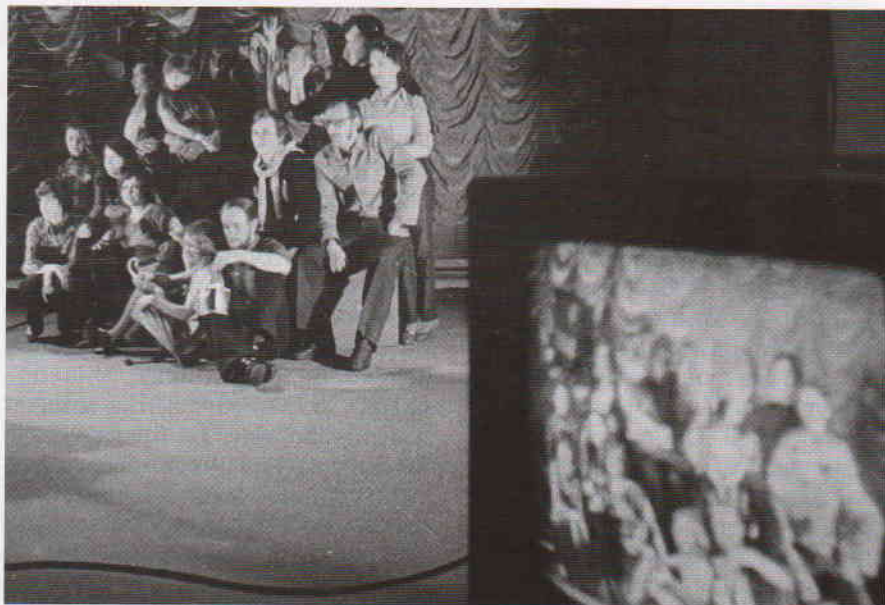
И вот я здесь... Вышка не оказалась мне такой романтической, как в детстве, потому что вблизи она не выглядела устремлённой в небо, а давила своей громоздкостью и внушала некоторое опасение. Потом я не раз наблюдала, как на этой высоте красили, проверяли антенное хозяйство рабочие. Технический персонал телецентра (это была отдельная от студии организация) опоясывал её лентами и строго следил, чтобы мы, легкомысленные служители муз, не попали под сорвавшийся неожиданно предмет.

В первый свой рабочий день я не шла, а летела по коридору, с восторгом разглядывая каждую табличку на дверях. Навстречу нам шла симпатичная девушка. Папа остановился и, показав на неё, сказал: «Вот, смотри, такая молоденькая, а уже ассистент режиссёра». Мне это «звание» ни о чём не говорило, я ещё не знала всей иерархической лестницы

На записи с Леонидом Филатовым. Конец 1970-х

на телевидении, но прониклась уважением к должности ассистента режиссёра. Потом меня представили главному режиссёру, зам. председателя по телевидению, и наконец подвели к непосредственному моему начальнику – старшему помощнику режиссёра. Полина Александровна была словно создана для этой работы. Аккуратная, приветливая, грамотная, воспитанная и внимательная. Она обняла меня и повела в студийный павильон. Сейчас, имея цифровые технологии, трудно представить, что вся студийная площадь была заставлена громоздкой техникой. Телекамеры тогда были тяжёлые и неповоротливые. К тому же они крепились кабелем к аппаратуре. Когда оператор начинал с ней передвигаться, а делать это надо было тихо и быстро, ему помогали рабочие. Они держали кабель, чтобы оператор не запутался и вовремя подъехал к нужному месту. Весь потолок большого павильона был усыпан осветительными приборами. По краям, у стен стояли штативы, на которые помощники должны устанавливать зрительный ряд: фото, рисунки, картинки, титры и субтитры. Рядом примостились большие, на колёсах микрофоны, которые назывались «журавлями». Под потолком огромное окно – там за пультами сидели режиссёр, ассистент, звукорежиссёр со своим ассистентом и техническая бригада. Те, кто работал наверху, управляли всеми находившимися внизу. Команды подавались по наушникам. Поэтому продвижение по карьерной лестнице на телевидении так и шло: снизу – наверх. Если представить, что у режиссёра две руки, то ассистент – это правая, а помощник – левая. У каждой свои функции. Но помощник непосредственно связан с выступающими людьми и всем материалом, который идёт из павильона. Он отвечает за тишину, за любую ситуацию, возникшую по ходу передачи, и должен быстро прийти на помощь. Полина Александровна строго следила, чтобы мы входили в студию только в тапочках, ведь передачи шли

Запись детского спектакля. Конец 1970-х

живую, и слышен был каждый шорох в эфире.

Курьёзных ситуаций в этой профессии было множество. Однажды к нам в Ульяновск приехал известный фотограф. Он много путешествовал, размещал свои фото на всемирных выставках и привёз море своих шедевров. Я была помощником у режиссёра Бориса Даниловича Тимошенкова. Он был красивым, крепким мужчиной с упрямым, несколько жёстким характером. Знал себе цену, поскольку единственный из режиссёров имел специальное образование – окончил Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии. В его дипломе была обозначена специальность «телевизионный режиссёр», в то время как другие были бывшими актёрами или театральными режиссёрами. Так что Борис Данилович держался очень независимо. За десять минут до эфира я поднялась на второй этаж за выступающим фотографом, чтобы ввести его в студию. Фотографии, вставленные мною в картонные рамки (паспарту), разложенные в порядке беседы, мирно лежали на столе. Режиссёр беседовал с гостем. Я взяла огромную кипу в руки, повернулась, чтобы выйти, и вдруг вся эта гора зрительного ряда рухнула на пол, разлетевшись по всей комнате. До эфира пять минут! Вернуть всё в прежний вид – невозможно. Борис

Данилович побагровел. Я сама находилась в состоянии шока, и почему-то душил истерический смех. «Ты в своём уме?» – закричал Борис Данилович. И лихорадочно кинулся поднимать с пола фотографии. Я рванулась за ним и дрожащими руками стала складывать их в одну стопу. И тут нам на помощь пришёл сам фотограф: «Будете показывать в том порядке, как собрали. А я какой снимок увижу по монитору, о том и буду говорить». Мы с ним вихрем ворвались в студию. Я водрузила на штативы фотографии, и тут же загорелся на камере красный огонёк – «в эфире». Слава богу, обошлось! Но только благодаря профессионализму и опыту самого выступающего.

Не все так ориентировались в студии и могли свободно общаться с журналистами. Иногда придёт человек весёлый, спокойный, а сядет в павильоне за стол, увидит, как на него камера поехала, микрофон опустился, свет зажётся, и всё – онемел. Был человек – превратился в полено.

Ещё смешнее бывало на спектаклях. В конце 1960-х – начале 70-х телестудия ставила и выдавала «живьём» телевизионные постановки. Я работала в литдраме и, естественно, участвовала в этом действе. У помощника режиссёра было множество дел при таких постановках. Надо было вовремя заводить и выво-

дить актёров, менять декорации, ставить титры на штативах, приходилось делать дождь из лейки, а то и снег, размешивая нафталин в банке с водой, стучать о железо или водить по стеклу, создавая нужный шум. Иногда что-то шло неправильно, и надо было ползком, по-пластунски, пролезть под камерами на другую сторону студии. Помню, шёл спектакль с детективным уклоном. Напряжённая сцена происходила у героев в комнате. Из их разговора следовало, что один из них в западне, поскольку они находятся на девятом этаже. В это время помощнику поступил приказ в наушники от режиссёра: «Быстро приготовься хлопнуть – сейчас будет выстрел». А хлопнушка осталась на другой стороне студии. Помощник режиссёра Лида инстинктивно рванулась за ней прямо мимо выгородки окна, где сидели герои, якобы на девятом этаже. И весь честной народ, сидящий у телевизора, в испуге лицезрел, как мимо окон пронеслось что-то похожее на инопланетянина: в наушниках, на высоте многоэтажного дома и без видимого средства передвижения. Актёры и те оцепенели, а она, тем же макаром, пролетела назад. Долго потом ходили слухи по городу, что был спектакль по телевизору и там появился неопознанный объект. Мы же, как только отключились камеры, зашлись от смеха. Лиде, конечно, досталось от режиссёра. Должность помощника была самой низшей ступенью, но и она требовала внимания, знаний, умения общаться с людьми и хорошей реакции.

Было много концертов и курсов. Музыкальная редакция работала в полную силу. Приезжали хоры, оркестры, чтецы и певцы. Всё это в одной передаче. В задачу помощника входило ввести нужный коллектив вовремя и тихо вывести, пока идёт другой номер.

Была среди нас Валентина – боевая, подвижная, но, как говорится, без царя в голове. Когда приглашали много народу, то в павильоне работали на нескольких площадках сразу, где позволял свет. Располагали выступающих и на задней стороне, под

окном, где сидел режиссёр. Он не мог там видеть выступающих напрямую – только в объективе камеры. Шёл концерт. Валентина по списку готовила людей и заводила на площадку. Режиссёр контролировал этот процесс и в наушники подсказывал ей следующий номер. Как только сверху прозвучало «готовь людей, сейчас – адажио из «Лебединого озера», Валентина выбежала в коридор и зычным голосом закричала: «Кто из вас Адажио, заходи!» Привыкшие ко всему артисты и внимания не обратили, что адажио превратилось в фамилию. Но когда она начала составлять на них явочный лист, чтобы потом платить по нему гонорар, и спросила, какое у адажио имя и отчество, вот тут уже хохотали все вокруг.

Прошло два месяца, как я окунулась в интересный мир телевидения, и должна была покинуть студию. Другого занятия я себе не представляла. Теперь эта работа стала мечтой и смыслом моей жизни. Видя моё подавленное настроение, мама, которая в то время работала главным бухгалтером торгового треста, предложила мне пойти на курсы продавцов в «Детский мир» – в «Сказку» как раз набирали группу. Так судьба неожиданно сделала крутой поворот. На курсах я училась хорошо. От мамы мне досталась эта черта – во всём находить интересное. Я иногда смотрела, как она ночами, перед сдачей баланса, сводила дебет с кредитом, и меня брала тоска. Цифры утомляли меня одним своим видом. «Мама, неужели тебе не скучно?» – «Да, ты что! Знаешь, как радостно, когда всё сходится и выстраивается в прямую линию!» Нет, это было не по мне, но в магазине, куда приходили разные люди, было куда интереснее. Приближался Новый год. Директор магазина решила доставлять детям подарки по заказу. Привезли костюмы Деда Мороза и Снегурочки. Снегурочкой назначили меня. Облачившись поверх тёплой одежды в расшитый сарафан и шапочку, я отправилась в поездку. Дедом Морозом был молодой парень – он и вёл машину. Дети, увидев нас на улице,

замирали от восторга, а потом бежали до самого дома, где мы вручали подарки. Пока добирались до нужного адреса, мы обрастали детворой, как пеньки опятами. Подошёл к концу процесс обучения. Я была отличницей, поэтому директор магазина предложила мне остаться в «Детском мире», и я начала работать в «Сказке». Выбрала отдел «Для самых маленьких». Чтобы у меня была выручка, директор подбрасывал дефицит в виде детских колготок. У моего отдела собирались сумасшедшие очереди. Я еле успевала считать деньги, а надо сказать, я вообще с трудом их считала. В конце месяца стали сдавать отчёты, и у меня обнаружилась недостача, равная зарплате. Я – в рёв: «Откуда? Я же считала, ничего не брала». Директор успокаивала: «Это что! Я, когда начинала, полгода работала без зарплаты». Дома, когда всё рассказала родителям, папа только рассмеялся, а потом неожиданно спросил: «А на телевидение пойдёшь? Теперь уже постоянно».

Я думала, что я проснулась после страшного сна. «На студию? – заорала: – Да! Да! Да!»

Утром, как птичка, взлетела на второй этаж к директору: «Я увольняюсь. У меня тут ничего не получится». Директор спокойно смотрела на меня. «Даже не думай. Отдохни с недельку и бери любой отдел. Я тебе своё место подготовлю. Будешь директором солидного магазина». Но я сияла, как начищенный самовар, и твердила «нет». Получив категорический отказ на увольнение, я в панике вернулась домой. Папа сам отправился к моей директорше. Презентовав ей море комплиментов, он сказал: «Вы поймите, продавцом нужно родиться. Диана всю жизнь писала стихи, для неё дважды два – проблема. Она вам будет делать постоянные недостачи, и вы потеряете все свои знамёна и вымпелы». Директор сдалась.

Я снова бежала на студию, как на свидание. И началось увлекательное путешествие длиной почти в сорок лет. Чего там только не было...

Диана Шпоркина